

Война прекрасна?

Тимур Троцберг

Тимур Троицберг

Война прекрасна?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70292668

SelfPub; 2024

Аннотация

Дорогой читатель! Более чем уверен, ты не раз задумывался о войне. В конце концов, прекрасна ли война? Эти много обсуждаемые и вызывающие горячие споры вопросы являются тезисом к данному произведению. Одни твердят «война – двигатель прогресса», другие скажут «война хороша, пока ты сам не побываешь на ней». Прочти это произведение и ответь сам для себя на тезисные вопросы. Действие происходит в оккупированном немцами Париже, где встречаются два старых друга детства: немец Фридрих Кёлер и француз Луи Робеспьер. Оба они являются ветеранами Первой мировой войны. Встретившись в тюремных катакомбах Бастилии, они достаточно быстро узнают друг друга. Вспоминая прошлое, старые друзья рассказывают о судьбоносных моментах своей военной жизни. Вместе с этим ты, читатель, пройдешься по Западному фронту Первой мировой войны и прочтешь повествование самых тяжелых, необычных и переломных битв. Искренне надеюсь, что ты останешься доволен!

Содержание

Пролог	5
Глава I: «Кровавая мясорубка»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тимур Троцберг

Война прекрасна?

Дорогой читатель! Более чем уверен, ты не раз задумывался о войне. В конце концов, прекрасна ли война? Эти много обсуждаемые и вызывающие горячие споры вопросы являются тезисом к данному произведению. Одни твердят «война – двигатель прогресса», другие скажут «война хороша, пока ты сам не побываешь на ней». Прочти это произведение и ответь сам для себя на тезисные вопросы. Действие происходит в оккупированном немцами Париже, где встречаются два старых друга детства: немец Фридрих Кёлер и француз Луи Робеспьер. Оба они являются ветеранами Первой мировой войны. Встретившись в тюремных катакомбах Бастилии, они достаточно быстро узнают друг друга. Вспоминая прошлое, старые друзья рассказывают о судьбоносных моментах своей военной жизни. Вместе с этим ты, читатель, пройдешься по Западному фронту Первой мировой войны и прочтешь повествование самых тяжелых, необычных и переломных битв. Искренне надеюсь, что ты останешься доволен!

Пролог

Октябрь 1940 года.

Париж, Франция.

Париж... раньше это был славный город Франции и сосредоточие колониального могущества державы, но... что же это теперь? Один из многих городов Третьего Рейха. На улицах висят красные полотнища со свастикой, по улицам ходят немецкие патрули, а настоящие хозяева этого города, французы, спрятались в норы и готовят диверсии. Но все-таки этот город очень красив. Особенно, когда напротив кабинета гордо возвышается Эйфелева башня, а в каналах течет не менее гордая река Сена. Так или иначе этот город не уступает по красоте Берлину, нашей столице. По большому счету каждый город чем-то хорош и уникален. Париж просто красивый и старый, да и только.

Я бы и дальше мог думать о нем, если бы не стук в дверь. Именно этот треклятый стук вывел меня из сладких раздумий. К сожалению, я не могу не откликнуться.

– Войдите!

В кабинет вошел рядовой солдат Вермахта, каких много. Как только он вошел в кабинет, солдат вытянулся в струнку и выкинул правую руку вверх.

– Герр штандартенфюрер, разрешите доложить?

Я устремил на него свой взгляд и кивнул головой, дабы дать ему понять, что готов выслушать отчет.

– Сегодня отряд шарфюрера Баэура раскрыл подпольную организацию французов. Все ее участники были арестованы, среди наших двое ранены, один убит. Арестованные были переведены в тюрьму Бастилии. Офицеры ждут вашей команды для начала допроса!

О, Боже, опять подпольщики. Эти французы не хотят сдаваться даже не смотря на то, что финал их государства очевиден. Я не часто приезжаю на допросы, ведь и так дел по горло. Но... пускай сегодняшний день станет исключением. Я встал со своего рабочего места и, попутно одеваясь, ответил солдату.

– Не нужно дожидаться моей команды. Пускай ждут меня. Я лично приеду на допрос. Выходи на улицу и передай, чтобы заводи машину. Ruehrt euch (Вольно) !

– Zu befehl (Слушаюсь) !

Солдат принял вольную стойку и удалился из кабинета, закрыв за собой дверь. Я же, одев на себя шинель, поправил повязку на том месте, где должен находиться правый глаз, и устремился на выход. Возле кабинета сидел мой секретарь, он встал со своего места и поднял на меня вопросительный взгляд. Я не стал ждать его вопроса и сразу ответил.

– Мне нужно уехать на допрос в Бастилию. Так и скажешь посетителям. Потом доложишь мне кто приходил. Verstehen (Понятно) ?

Секретарь, прямо как тот солдат, вытянулся в строевую стойку и гордо ответил.

– Zu befehl (Слушаюсь) !

Я кивнул ему в знак удовлетворения и направился к выходу. На противоположной стороне дороги меня ожидали автомобиль «Хорьх», личный водитель и два солдата моей личной охраны. После того, как мне удалось перебраться на ту сторону, я подал знак движением руки, что можно сесть в машину. Как обычно я сел на переднем сидении, сзади уселись два моих телохранителя.

– Герр штандартенфюрер, – попутно поворачивая на меня голову, сказал водитель, – куда нам ехать?

– В темницу Бастилии. Сегодня я решил съездить на допрос лично. Можешь выдвигаться.

Водитель кивнул головой и, переключив передачу, тронулся с места.

Этот город после нас еще долго не уснет. Везде наши патрули, на стенах размещены громкоговорители с записанной на пленку речью Адольфа Гитлера и Йозефа Геббельса. На домах висят наши агитационные плакаты вперемешку с плакатами французских диверсантов. Как бы мы упорно не сдирали их, они все равно успевают их развесить. Интересно, далеко ли они пройдут с таким упорством? Даст ответ на этот вопрос лишь время. Все же с ними нужно обращаться по строже, иначе если у французов начнется национальный подъем, будет тяжело остановить их силы. А они сейчас на-

ходятся на Балканах, так что придется в случае чего рассчитывать на себя.

На въезд в Бастилию располагался пропускной пункт. Бастилия считалась важной крепостью в Париже, там располагалось практически все вооружение города и продовольствие. Когда мы подъехали к пункту вплотную, нас остановили, и к водителю подошел командир.

– Ihre papiere, bitte (Ваши документы, пожалуйста) .

Я протянул водителю свой пропуск, он в свою очередь передал его командиру и тот, проверив его действительность, кивнул головой и отдал их обратно. Эта крепость имеет настолько сильное значение, что даже с таких высоких офицеров, как я, требуют пропуска. И это правильно, ведь уже были попытки диверсий в Бастилии и одна из них практически увенчалась успехом. Именно с того момента и ужесточилась пропускная система в крепости. Во внутреннем дворе крепости кружили многочисленные патрули с собаками, на стенах располагались установки ПВО, в которых день и ночь дежурили солдаты. Вдоль стен располагались двери. Их было бесчисленное множество, но мне нужна была только одна дверь. Это та дверь, которая ведет в темницу. Водитель припарковался рядом с ней и заглушил мотор. Он как обычно останется сидеть в ней и будет ждать меня, а мои телохранители пойдут за мной.

Когда мы вошли в дверной проем, в нос сразу же ударил запах сырости. Он присутствовал во всех темницах, но в Ба-

стилии этот запах был особенно силен и противен. Это место имело отвратительную историческую репутацию, а из-за нас она станет еще хуже. Хотя когда нас это волновало? Еще немного пройдя, поближе к комнате пыток, стал ощущаться сильный запах пота и крови. И это не в диковину для этого места. В Бастилии эта смесь запахов стала обыденной. Чуть дальше по коридору располагались камеры с заключенными. Именно там и ждали своей участи те, к кому я сегодня приехал.

Камер было много, но мы практически всегда помещаем всех в одну. Правда на этот раз один из французских пленников сидел отдельно от всех. Причем он был одноруким, место для второй руки было прикрыто тканью. Его пустой взгляд был устремлен в пол и в отличие от французов, которые сидели в соседней камере, в его глазах было... безразличие? Что угодно, но не страх уж точно. Такое ощущение, будто он уже не раз сидел в темнице Бастилии и в случае чего готов пойти на эшафот и по приказу засунуть голову в петлю. Жуткий человек. Рядом с камерами за столиком сидел дежурный, и когда я к нему подошел, он хотел встать и вытянуться в строевую стойку, но я жестом руки его остановил.

– Почему он сидит отдельно?, – я махнул головой в сторону одинокого пленника, – Какой-то особо опасный?

– Nein (Нет), он является лидером подпольной организации. Потому и отсадили отдельно. Предоставить досье на него?

Я кивнул головой в знак согласия, и дежурный полез рукой в ящичек стола, после чего открыл его и стал рыться в бумагах. Когда ему удалось отыскать нужные документы, он встал со своего места и протянул их мне.

– Возьмите. Только верните их потом на место, пожалуйста.

Я не стал ему ничего отвечать, а лишь молча начал изучать содержимое. На первой странице было написано «Дело №68» и нарисован герб Третьего Рейха. Интересно, эти «дела» правда кто-то считает и потом строго нумерует, или же это пишут наугад? Не важно. Я перелистнул первую страницу, и передо мной показались фотография, имя, фамилия и прочая информация о пленнике. Меня сразу заинтересовала его имя и фамилия, а также фотография. Он так молод на ней...

– А почему он так молод на фотографии? Сейчас вроде выглядит намного старше.

Ох, – подняв голову на меня, ответил дежурный, – новую фотографию еще не сделали, а в базе данных была только старая.

Я молча перевел свой взгляд с дежурного на бумаги и стал вчитываться в имя и фамилию пленника. Луи Робеспьер... что-то очень знакомое.

– Луи, – еле слышно, тихим шепотом, проговорил я, – Робеспьер.

Я посмотрел на пленника и наши взгляды пересеклись.

Его безразличный взгляд сменился на... какой-то что ли интересующийся, настороженный. Да, да! Я точно его знаю, но откуда? Не могу вспомнить. И он меня знает, я это чувствую. Нужно его вызвать на допрос в комнату.

– Вот этого, – я ткнул пальцем на одинокого француза, – ко мне в комнату для допроса.

Дежурный встал, попутно снимая ключи с пояса, и устремился к камере с пленником. Ни пленник, ни я за все то время, что дежурный шел к камере, не оторвали друг от друга взгляд. Он знает меня, а я знаю его. Надо лишь вспомнить, да? Дежурный наконец открыл камеру и, схватив под руку француза, повел в допросную комнату. Я пошел за ними следом. Когда мы зашли в комнату, дежурный поспешил вернуться к себе на пост, а телохранителям, которые обычно находятся всегда рядом со мной даже во время допроса, я приказал остаться снаружи у входа. Они были слегка удивлены таким поступком, но сказать ничего против не смели и они остались там, где я им приказал. Пленник все еще стоял там, где его оставил дежурный. Я же присел на стул и жестом руки указал ему сесть на стул, расположенный напротив меня. Он не стал противиться и молча сел на него. Мы опять уставились друг другу в глаза и смотрели в них ровно до того момента, пока он не задал эти два вопроса. После их я вспомнил моментально все...

– Ты ведь Фридрих Кёлер, oui (Да) ? Как поживает тётя Катрин?

Да... да, это он. Мой друг детства. В детстве, когда я жил в Страсбурге, мы были соседями по дому. Его родители жили до нас в этом городке еще во времена власти Франции, но после франко-прусской войны, когда Эльзас вместе с этим городком перешел под контроль нам, немцам, они продолжили в нем жить все равно. Почти все французские жители ушли в свое государство. Почему они остались? Я этого не знаю да и не интересовался никогда этим вопросом. Дружили с ним хорошо, пока не отправились в армию. Там-то мы и перестали видеться, хоть и пытались отправлять послания. Но когда началась Первая мировая война, мы не могли их отправлять друг другу. Тогда я полностью потерял с ним связь. Но... у него тогда еще была рука. Когда он успел ее потерять? Недавно, месяцем ранее, или двадцать с лишним лет назад на той войне? Так хочется обсудить все за чашечкой эрзац-кофе... Но теперь же мы опять по две стороны баррикад. Как иронично. Хотя... что мне мешает обсудить с ним это сейчас? Друг детства все-таки.

– Мама Катрин умерла пару лет назад, инфаркт. А как твои родители? Я думал ты погиб еще во времена Великой войны. И почему у тебя нет руки?

Луи немного приуныл. Видимо, перед его глазами всплывали моменты тех дней. Со мной тоже такое часто бывает, особенно если я вижу предметы или что-то еще, которые вызывают ассоциацию с той войной. Спустя десятисекундное молчание он мне ответил.

– Соболезную по поводу тёти Катрин. Хорошая была женщина. Мои родители сейчас в Америке, там им безопаснее. А руку я потерял во время Великой войны. Это было ужасно. Нет, не обстоятельства потери моей руки, а сама битва. Кстати, ты без одного глаза. Тоже потерял его на той самой войне?

Я краем рта улыбнулся и тяжело вздохнул.

– Да, ты прав. Я потерял его во время битвы на реке Сомма. А ты?

– Верденская мясорубка. Видимо, нам есть что обсудить, Фридрих?

– Верно, но поскольку я здесь допрашиваю, то начнешь ты. Не против?

Луи тоже улыбнулся и даже немного посмеялся. В такие времена трудно выдавить улыбку из человека, а тем более смех...

– Я не в том положении чтобы выбирать. Значит слушай мою историю. Началось все двадцать первого февраля тысяча девятьсот шестнадцатого года...

Глава I: «Кровавая мясорубка»

21 февраля 1916 год. Недалеко от Вердена, Франция.

В семь утра я проснулся на лежаке в окопе. Оглянувшись, увидел своих товарищей рядом с собой. Некоторые просыпались, а кто-то мирно посапывал. Вдоль окопов расхаживали дозорные, ведь без них никуда. На деревянных стенках окопа сонными глазами всматривались в даль солдаты, сидящие в пулеметных гнездах. Я решил встать и тоже пройти, суставы-то после сна надо размять. Я встал со своего лежака и с интересом посмотрел в даль. В дали не было видно ни единой души, хотя я понимал, что там, где-то вдалеке немецкие солдаты. Хотя что уж там говорить, я даже в какой-то момент почувствовал на себе взгляд врага. Конечно же, мне это просто показалось, но именно в этот момент я почувствовал напряжение. Отвернув взгляд от горизонта, я поплелся дальше вдоль окопов. Я расхаживал вдоль окопа туда-сюда, ибо не мог далеко отойти от своего подразделения. День был необычным, приятный холодок чувствовался по всему телу, запах зимы до сих пор ощущался, хоть она уже кончалась. Солнце вот-вот только вставало из-за горизонта.

Как раз там, где засел враг. Ничего страшного не должно было произойти, верно? Но не тут-то было... Видимо, то напряженное ощущение появилось у меня не просто так. Прогремел очень громкий выстрел со стороны вражеского фронта. Мне было страшно? Да, мне было очень страшно, ведь враг по нашим данным располагался довольно-таки далеко, а выстрел был слышен так, будто орудие выстрелило прямо над ухом.

Боже, это был Ад на Земле. **Чем дольше мы живем, тем больше человек разрабатывает способов убить самого себя.** Сразу же с разных концов послышались крики о том, что нужно прятаться в укрытие. Я их слышал, но тело не двигалось. Надо было уходить и прятаться, ведь начался артобстрел и вряд ли снаряды обойдут меня стороной, но что-то... интерес? Заставлял меня стоять на месте. Я хотел увидеть снаряды этих машин для убийств. Как они назывались-то? Мортиры «Толстушка Берта» и «Большая Берта», да. Это они самые. Возможно, я бы так и погиб от взрывов и осколков, но француз, который пробежал мимо, обвил рукой мою шею и утянул за собой.

– Ты что стоишь!? Смерти ждешь? **Она тоже хочет тебя встретить. Всех нас хочет. Но не надо делать ей одолжение.** Пошел в укрытие!

Я как будто проснулся. Сначала из-за резкого толчка я чуть не упал, но потом сразу же побежал с общим потоком в укрытие. Кем был тот солдат? Я не знаю... а может его и не

было вообще? Вдруг мне лишь показалось, или это ангел-хранитель решил спасти меня? Так или иначе я больше его не видел. В укрытии собралась огромная толпа, которая чуть ли не выталкивала друг друга. Это были уже не солдаты, а напуганные детишки. Я и сам ведь был такой же. **Как людям воевать с живым человеком, если они боятся неживой техники?** Мне досталось место с краю. Благодаря этому я видел, как снаряды обрушивались на бедную землю, которая итак до этого впитала в себя много крови и достаточно настрадалась от беспощадных бомбёжек. Это продолжалось очень долго, часов семь или даже восемь. Грохот был невыносимо громким и не умолкал. Солдаты же прижались друг к другу и чуть ли не дышали друг в друга. Они были разных мастей: присутствовали ветераны прошлых военных компаний, которые стойко переживали бомбардировку, были новички как я, которые бегали испуганными глазами по укрытию, были даже и безусые юнцы, которые постанывали и даже плакали от страха перед будущим.

Когда бомбежка стихла, мы все-таки через минут десять или пятнадцать осмелились выйти из укрытия. Соседние подразделения поступили так же. Я начал осматривать обстановку, которая была в плачевном состоянии. Позади себя я слышал крик нашего командира. Оглянувшись, я увидел его разговаривающим по телефону. Наверное, это наш штаб командования. Мне удалось это понять по беседе, которую я не смог полностью услышать из-за разговоров солдат.

— ... они провели артобстрел ... разведка до этого докладывала об этом, но мы ... нам нужно что-то предпринять!..

Дальше я попросту не стал его слушать. Но в окопах лежали тела солдат, которые не успели укрыться во время обстрела. Один такой располагался рядом со мной. Он лежал на спине и смотрел в небо, руки лежали возле раны в районе живота. Глаза были наполнены болью и страхом, а рот слегка приоткрыт. Боже мой... он умирал после ранение осколком, истекал кровью. Я бы не хотел так умереть, хочется быстрой и безболезненной смерти. Мне стало так жалко беднягу, ведь он совсем молод, что у меня стали наворачиваться на глаза слезы и ком подступил к горлу. **Смерти не боятся либо психи, либо мертвые.** Но я даже не успел задуматься о его боли, как со всех концов нашего фронта слышались крики о подготовке к бою. Бомбежка только стихла и снова в бой? Это что-то интересное. Я прислонился к окопу и приготовил винтовку для выстрела. Немцы мелькали вдалеке на горизонте, эти мелкие человечки с каждой минутой становились все больше и больше. Они шли уверенными линиями. Именно эта тактика жестокого натиска давила психологически. Они идут на тебя, смотрят в твои испуганные глаза, в то время как в их глазах животная свирепость, они готовы заколоть тебя штыками и забить до смерти ногами, но прорвать твой строй. Ко всему этому у немцев была еще и жестокая дисциплина, благодаря которой они были такими храбрыми и напористыми. Когда немцы подошли почти вплотную, бы-

ла дана команда атаковать. Выстрелы были слышны с обеих враждующих сторон. Плевались пулями винтовки, стреляли пулеметы, но у немцев было что-то еще... это оружие несли аж целых два человека, один нес ранец, а второй нес ствол. Что это? Я такое оружие еще нигде не видел. И почему они до сих пор не начали пальбу из него? А ведь они уже почти подошли в упор к нашим позициям. Мне удалось понять, что это только тогда, когда расчет такого оружия подошел к нам вплотную и... господи, это было очень страшно, мое второе потрясение за день. Эта адская машина выплевывала струи пламени в моих товарищей, которые после этого горели и громко кричали, катаясь по полу в надежде спастись. Но это их не спасало, через полминуты они затихали навсегда, а их тела продолжали догорать... позже выяснилось, что это адское оружие называется огнеметом. После пару таких огнеметных атак мы начали в панике убегать за вторую линию окоп. Я тоже был в числе отступающих, ведь страшнее всего умереть в пламени своего противника, чем от выстрела винтовки. И ладно, если бы это было пламя ярости, но нет... это было пламя в прямом смысле слова. Что я боялся тогда больше всего? Артобстрела? Нет, ведь они могут попасть и по своим тоже, поэтому они не начнут стрелять. Шальной пули из винтовки или пулемета? Нет, ведь я бежал достаточно быстро, да и на них не обращал внимания вовсе. Что же тогда? Верно, я боялся огнемета. Это был животный страх, кровь долбила в виски с необыкновенной силой и скоростью.

Казалось, что еще немного и я потеряю сознание, но все равно продолжал бежать. Когда мне удалось добежать до второй линии окопов, меня начали донимать солдаты и их командир о происходящем на первой линии.

– Что там происходит? Что там горит? Почему все бегут?

– Там... там творится ад... если увидите оружие, которое несут два человека – убивайте этого ублюдка в первую очередь, иначе он настигнет нас и отступать будете вы тоже.

Они непонимающе переглянулись друг с другом, но, скорее всего, приняли мой совет к сведению. Я был готов к продолжению штурма немцев, но они вдруг стихли... и снова загромыхла артиллерия. Солдаты рванули к укрытию. Обстановка была та же, что и в том укрытии, но они были уже более уставшие, потрепанные и грязные в земле и крови. Тяжелые выстрелы чередовались с прерывистым дыханием солдат. Атмосфера была еще более гнетущей чем до этого, особенно у тех, кто смог пережить атаку на первой линии фронта. Один из юнцов не выдержал. Он резко сорвался с места и побежал в сторону поля, которое все так же активно обстреливалось, попутно крича во всю глотку.

– Я лучше умру сейчас от снаряда, чем потом от пламени! Господь, забери меня скорее!

Его никто не успел остановить, а догонять никто не станет. Через мгновение снаряд взорвался рядом с ним. Рука из-за взрыва отлетела прямо в наше укрытие, а сам он упал на землю и был еще жив, но истекал кровью. Мне опять до-

сталось место с краю и я смог услышать его последние слова.

– Забери... только не пламя...

После этих слов он умер от кровопотери и болевого шока. Через минут рванул из укрытия еще один солдат, но командир подразделения успел выстрелить ему из винтовки в затылок.

– Чтоб вас! Отставить панику! С такими трусами как вы, мы никогда не выиграем войну! Соберитесь, детки! **Государство надеется на нашу защиту, иначе кто мы без него?!**

Действия командира успокоили. Не знаю как остальных, но меня точно.

Немцы чередовали атаки: сначала артиллерия, а за ней штурмовая пехота и так по кругу. Это было очень тяжело, ведь немцы были матерыми псами кайзера, которые к тому же имели и высокую дисциплину. Их натиск крайне тяжело сдерживать, особенно когда у них гибнет один солдат, а у нас взамен целый десяток. Наши полки попросту не успевали пополняться из-за медленной мобилизации, а мы в свою очередь оставляли одну линию траншей за другой. Через семь месяцев боев они были в буквальном смысле слова переполнены кровью. Когда мы шли в контрнаступление, перемещаться по ним было просто невозможно. Земля от смеси, состоящей из крови и воды, размокла и превратилась в грязь. Хватало пяти минут ходьбы по траншеям и сапоги были настолько грязные и красные от крови, что все это затекло в обувь и пе-

редвигаться так было как минимум мерзко. Стоял ужасный запах гнили, ведь тела не успевали убирать между атаками, и они медленно разлагались в различных местах. У каждого была разная смерть. Лежали обгорелые тела, где даже не ясно за какую сторону воевал бедняга. Разорванные на части тела из-за взрыва снарядов и гранат. Просто расстрелянные воины, которые были похожи на решето из-за пуль. Что я ощущал в этом аду? Долг перед Отечеством? Нет. Страх умереть? Тоже нет. Наше поражение в этой битве? Далеко нет. Я ощущал животный страх. Неизвестно что это, я просто понимал, что должен убивать врага и делал это. Много было моментов, когда мне спокойно могли всадить пулю в сердце, но я не думал об этом. Я просто шел в атаку и хотел растерзать врага. Однажды даже так и было. Я поскользнулся на трупe немца и упал, выронив винтовку. Ровно в этот момент из-за угла выскочил его товарищ и от неожиданности чуть не выронил винтовку тоже. Совсем юнец был. Меня обуял еще более животный страх. За свою жизнь? Опять нет, я просто хотел убивать врагов. Пока он был в смятении, я рывком оказался около его ног и потянул их на себя. Юнец с криком упал навзничь в кровавый «бассейн». Он был настолько глубок, что бедняга даже умудрился глотнуть крови и чуть не захлебнулся в ней. Что же было дальше? Я до сих пор жалею за тот поступок. Он правда был диким и неоправданно жестоким. Я забил его до смерти прикладом? Прирезал ножом? Задушил? Хуже... я тогда не контролировал себя

и... набросился на него, после чего зубами вцепился в глотку. Господи, прости меня. Он кричал очень громко, а когда я перегрыз ему артерии, кровь хлынула изо рта и его крики превратились в сдавленные стоны. Юнец так стонал пока не захлебнулся собственной кровью. С минуту я смотрел на него. Он был так молод... такое ощущение, будто он пришел на эту войну не потому что хотел, а потому что сказали «надо!». А ведь у него семья в Германии. Вряд ли они ожидали его увидеть живым, но смерти такой не могли предугадать уж точно. Представь себе, отсылают тело родным, а там... глаза полные ужаса и распоротая глотка. Потом мне удалось прийти в себя, хоть и тянуло блевать от такого зрелища. Я дальше понесся в атаку и убил еще бесчисленное количество немцев. Помнишь я до этого говорил: смерти не боятся ли-бо психи, либо мертвые? Я не мертвый, а вполне себе живой человек. Значит я псих...

Перемены настали, когда наши союзники провели успешную атаку на реке Сомма. Это там, где ты потерял свой глаз, верно? Помнишь я говорил про проблему мобилизации? Она решилась самым оригинальным способом. Наше подкрепление подъезжало на такси... на самых обыкновенных машинках, в которые вмещались четыре человека от силы, приезжали толпами человек по десять, если не больше. В салоне, на крыше, на капоте, сзади, в дверных проемах. Везде, где только можно уместились наши товарищи. Это было неожиданно и в какой-то мере забавно, ведь груз из солдат

был тяжелее, чем сама машинка. С контрастованием потерь меньше не стало, но хотя бы перевес был в нашу сторону.

Дальше все было обыденно и вот в ноябре, когда почти все кончилось, я потерял руку и был увезен в госпиталь до конца войны. Мой бой опять проходил в траншее. У немцев тогда были новые шлема, назывались штальхельмами. Вы их до сих пор носите, каски-то эти железные. А у нас были неудобные тарелкообразные каски Адриана. Именно их фигура меня и подвела. В разваленном укрытии притаился немец. Я его и не заметил, ведь даже не посмотрел в ту сторону. А он выскочил на меня сзади с длинным ножом. Я еле успел развернуться лицом, но толку от этого не было. В одно мгновение он ударил меня лобовой частью штальхельма прямо в челюсть. Меня отбросило, и я приложился затылком о край траншеи, после чего плохо закрепленная каска слетела. Я не на долго был оглушен и потерялся в пространстве. За это время немец успел взяться двумя руками за нож и замахнуться. Эта гадина целилась мне прямо в голову, но я едва успел отбить его рукой в сторону, но, как оказалось в следующую секунду, я отвел его руку в сторону не полностью. Резкая боль пронзила мое плечо. Он попал как раз между суставами. От этой боли я скривился и рывком ушел в сторону, что было очень зря. Немец вцепился в нож крепко и поэтому... Господи, это была такая боль. Суставы были оторваны друг от друга и сломаны, они моментально хрустнули

так, будто одновременно взяли кучу костей и сломали пополам. Я не мог сдержать крик. Он разразился, наверное, на всю линию фронта. После того как я упал, нож выскользнул из плеча, но немец замахнулся для атаки еще раз. Возможно, крик меня как раз и спас. На него сбежались несколько моих товарищей и застрелили чертового негодяя. После этого они же и оттащили меня в безопасное место, где прямиком на такси увезли в медпункт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.